

Записки рецензента

/критические заметки/

Писатель должен уметь всё, и рецензию написать, как это было в период расцвета русской литературы.

Михаил Петрович Лобанов

Интерес к слову: выражать через него свои мысли, чувства и эмоции, фантазии и реальность, - появился у меня сразу, как только я приобрёл навыки письма.

Писать научился в садике. Воспитатели отмечали, что палочки и закорючки я выводил с таким видом, будто роман пишу. Роман, правда, не написал, зато освоил буквы, научился складывать их в слова, а слова в предложения.

На моё первое сочинение в первом классе средней школы, на тему «Человек и космос», мама выдохнула с облегчением, поскольку поняла, что с этим у неё проблем не будет - за сына сочинения писать не придётся. Уважение же к слову привил отец - собственным примером, и научил видеть в нём силу.

Интерес к творчеству на первых, школьных, порах выражался в участии в различных мероприятиях: конкурсе чтецов, праздниках и постановках, музыкальных представлениях.

Учёба в школе и творческая жизнь расширили мои знания и возможности, открыли многие грани этого вида искусства - словесности. Но самым сложным оказалось практически реализовать свою страсть на гребне перестроечной волны. Союз нерушимый развалился, и отпочковавшиеся «государства» взяли курс на европеизацию в быту и американизацию во всех остальных сферах. Культурные связи с русскоязычным пространством рушились, прекращались поставки периодических изданий, падал спрос и интерес к образованию на русском языке, к его фундаментальности. Приоритетом развития образования стало внедрение и развитие прикладного образования, принятого за основу в капиталистическом мире.

Журналистика стала ориентированной на проблемы местечкового характера и приоритеты Большого брата, а русскоязычная детская и художественная литература загибались в удушающей атмосфере оторванности от культурно-исторических корней и финансового голода.

В определённом возрасте творческое начало взяло верх. Устроился работать в типографию, сперва одну, затем издательства «Нонпарель», выпускавшего журнал «Литературные незнакомцы», главный редактор которого Т.А. Иводитова оказала мне неоценимую поддержку.

ЛИТ

Начал активно писать и искать способ опубликоваться – реализовать себя на просторах СМИ. Поиски привели к порогу Московского Литературного института имени А. М. Горького. В 2006 году поступил на отделение прозы, семинар Михаила Петровича Лобанова.

Учёба в Литературном институте открыла невероятные горизонты: общение по интересам с себе подобными (обмен впечатлениями, опытом, знаниями) и возможности литературной деятельности. До этих пор она казалась узкопрофильным (специфическим) направлением, основанным исключительно на вдохновении и «чудесном» стечении обстоятельств, и не имеющим практического применения в жизни мирской (по сравнению с образованием филологическим). Филолог, например, мог работать корректором, редактором, журналистом, освоить делопроизводство и пойти в секретари. А кто такой литератор?

Особым явлением в учебном процессе можно назвать творческий семинар. На семинарах обсуждаются творческие работы студентов, там он получает отзывы и рекомендации для дальнейшей работы с текстом. Такой подход привил мне ещё больше

уважения к слову и помог практически реализовать знания, почерпнутые из книг, учебных материалов и на лекциях.

Начало

Моя первая литературная встреча проходила на кладбище. Два поэта и я. Один из них медик, другой, как выяснилось - циник. Он и предложил это место: спокойно там, - говорит.

Мне было легко, я видел смерть, видел много трупов, уже и не припомню, скольких отвёз в морг. Одни умирали ночью, иные на моих глазах. Одни быстро, иных жизнь покидала по капле, напоследок агония и, нитевая, исчезает пульс, каменеют черты лица. А следом – информационная смерть. Именно она и пугала меня больше всего, вынуждая шевелиться.

Понимание того, что существование вида конечно, сформировалось как-то само собой и не пугало. Но если совсем ничего не остаётся, то жизнь теряет смысл. Размышления об этом и вылились в мой первый рассказ, который я назвал «Таблетка»....

Первый поэт закончил читать, передал текст другому, закурил, задумался.

Главный герой рассказа – таблетка – медицинский препарат, антидепрессант класса трициклических производных. *«Получается, что информация, в отличие от материальной оболочки, имеет другие сроки жизни и бесследно не исчезает»*, - к такому выводу приходит мой герой в конце повествования.

- Зачем тебе это надо? – дочитав, обратился ко мне второй поэт. Тогда я и понял, что он – циник. Без всякого чувства сострадания, да что там, элементарно – сочувствия, он вверг меня в ступор. Этот вопрос я ненавидел с детства, он мне всю жизнь изгадил, поскольку и в школе и дома меня принуждали к практицизму. Поэтому когда рухнул Союз нерушимый и стали говорить, будто проблема отставания от Запада в недоразвитости прикладного образования, мне смешно. Меня заставляли оправдывать каждый шаг, задаваться вопросом: чего я хочу достигнуть, кем стать, ради чего, что это даст обществу и перспективно ли для меня, семьи и т.п. Мне же нравилось просто наблюдать и делиться увиденным, и своими соображениями. Вопрос для чего не стоял, это происходило само по себе, как дыхание или половое созревание. Именно потому, что вразумительного ответа никогда не было, моё занятие не воспринималось всерьёз и мной самим.

Серьезно только то, что имеет цель и очертания, даёт результат, приносит практическую пользу. Для военрука - это поступление в военное училище, для физрука - в ... и т.д. Для родителей же было важно, чтобы я высшее образование получил, и всё. Лучше, если по стопам отца, хорошо, если в области интересов матери, но главное, чтобы что-то полезное, практичное.

Писать я пытался давно, даже публиковали, пророчили в журналисты, но газет я читать не любил и в профессии этой себя никак представить не мог. Журналистика казалась мне слесарной мастерской, конструкторским бюро, где душно, накурено, и все озадачены. Мне просто нравилось выражаться словом. Убежать от этой потребности было можно, но это как эпилепсия, рано или поздно всё равно накрывало. Окончательно устав бороться, я как-то сел и написал рассказ. А потом плюнул, и стал всем показывать. Так меня и привело к этим двум петербургским поэтам.

Вот он, сидит передо мной, цинично выдавив убивший во мне всё живое вопрос, и в глаза не смотрит. Пытаюсь что-то в оправдание пролепетать, как обычно - отмазку повнушительней придумать, а потом, сорвавшись: «Хрен его знает, просто написал и всё!». Последовала пауза, её заполнили клубы дыма и отдалённые голоса посетителей усопших. В моём нутре царило полное безразличие и ноль ожидания, как и что мне ответят. Впервые в жизни я удивился реакции: «Помяни моё слово, «таблетка» станет твоим именем

нарицательным», - сказал один поэт. «В Литературный институт тебе поступать надо», - произнёс циник.

Вскоре я узнал, где это, и что можно не стесняться быть собой.

Год первый

Внутренний дворик Литературного института родным стал сразу, с первого посещения, с подачи документов. А общежитие – мастерской, где закреплялась и отрабатывалась информация с лекций, но главное – вываривалось новое. Довершали процесс творческие семинары, обсуждения. Возвращались с них зарёванные, но злые, потому что, выражаясь словами Агнии Барто: «Всё равно его не брошу -// Потому, что он хороший», - детище своё, текст, этот испепеляющий внутренний позыв - создавать.

Порой было обидно и стыдно за свои глупости и ляпы, промашки и невнимательность, но отпускало, и ещё больше тянуло, на то же место тянуло, и никто не отталкивал, потому что и сам - такой же.

Мы обменивались адресами электронной почты, созванивались, но этого было мало. Хотелось больше, нестерпимо, как жажда: обратной связи, реакции, мнений, совета. Хотелось делиться наблюдениями и находками. Ревностно отслеживали друг друга по отзывам на семинаре и преподавателей, публикациям в печати, Интернете: «Что, напечатали, где, как пробился, познакомь...».

Появляться и общаться два раза в год, на сессии - явно недостаточно. Понимали это все, и нашёлся он, единственный...

Год второй

Емеля

«Опасность гибели русского языка от потока заимствований сильно преувеличена, считают лингвисты. У нас для этого слишком креативная грамматика. Зачастую «понравившееся» слово она превращает в родное по сходству звучания. Так, e-mail стал емелей, ICQ – аськой, а клавиатура – клавиой. Наш защитный ресурс в том, что мы заимствованное одомашим», - из интервью Жени К. с профессором кафедры русского языка профессором ЧелГУ Людмилой М.

Пытался использовать это адаптированное «емеля» на письме и в речи. Не звучит. Не прижилось. Никто не поддержал. Думаю, Женя его сама придумала (она, может, хороший поэт, хотя и работает журналистом). Остальные слова – да, в обиходе.

На редкость хорошая статья у неё получилась, обычно претенциозно.

«Заимствования не так страшны. Опасно другое явление. Налицо угроза для языковой целостности. Дело в том, что разновидности языка для разных социумов очень различаются между собой», - распадается не только связь времён, но и взаимопонимание.

«...ситуация похожа на ту, что была в легенде о Вавилонской башне», - не поспоришь. Злободневно, актуально, но главное – по духу близко, о слове. Сколько нюансов!

Сентябрь

Получил e-мэйл: *«Доброго времени суток. Это Кирилл, ваш сосеминарник. Я создал сайт, позволяющий выкладывать произведения и комментировать их. Я заранее извиняюсь перед опытными пользователями интернета за подробные инструкции...».*

Прошло две сессии (учебный год), как мы встретились на семинаре. Кирилл на курс старше. С виду замкнут, себе на уме, смотрит исподлобья, практически никогда прямо на тебя. Кажется, что не слушает, сноб, о своём думает, но реагирует по делу. Обидчив, но отзывчив - любопытное сочетание. На деле же – свойский парень, добрый.

На семинаре нет разницы, с какого ты курса. На возраст тоже никто не обращает внимания, главное – текст. Читаем опусы друг друга, обсуждаем. Вскоре заметил, что качество текста практически не зависит от того, на каком автор курсе. Это при обсуждении проявляется, старшекурсники подмечают больше, слов умных много говорят, по делу. Мы же, первогодки, всё больше – нравится, не нравится. То, что в тексте действительно видно, так это наблюдательность, но от жизненного опыта (и возраста) это не зависит напрямую.

Рулит на семинаре мастер – руководитель. За ним последнее слово в обсуждении. Без комментариев.

После каждого обсуждения исписанные листки с комментариями, буря эмоций, долго не расходимся. Продолжаем в парке...

Кирилл предложил виртуальный семинар – сообщество студентов Литературного института им. Горького, семинара прозы М.П. Лобанова. Назвал - ЛИТИС. Идея не нова, каждый семинар имел место, куда авторы выкладывали свои произведения, чтобы остальные могли прочитать их перед обсуждением. Это мог быть единый адрес электронной почты или рассылка через Интернет. У такого способа обмена текстами был существенный недостаток: те, кто не из Москвы, не могли принимать участие в обсуждении или оставлять комментарии.

Мне идея очень понравилась. Через неделю состоялось первое виртуальное обсуждение. Всё просто: текст, а к нему комментарии. Оказалось заразительно.

«Ангел»

Алексей Б. вывесил своего «Ангела». Рисковый парень.

По-своему я его понимаю. Полгода бегал по редакциям в надежде... не то, чтобы опубликоваться, но хоть бы отзыв получить, чтобы по-человечески сказали: возвращайтесь-ка вы в санитары... Чаще всего отмахивались. Только однажды в голосе главного редактора московских «Литературных незнакомцев» Татьяны И. услышал, а точнее почувствовал, шанс получить рецензию. Упросил принять меня, уверил, что готов выслушать всё. Встретились. Очень деликатно чёркала она мою писанину, приговаривая по делу. Сидел, «дыханье затая», как школьник, и смотрел на своё «сочинение». Тогда и понял насколько важно – взгляд со стороны, особенно поначалу.

Алексею Б. с деликатностью и компетентностью не очень повезло: *«Рассказ хороший, но к современной литературе отношения не имеет, ни содержанием, ни по форме. Однако, не буду говорить о том, что это абсолютно не имеет значения в вопросе ценности произведения в вечности ;)»*, - заключил Кирилл. Я тоже не был особенно конструктивен: *«Понравилось, но воспринимается как завязка, а не цельный, законченный рассказ. Начало рассказа ассоциируется с "вязкой тишиной душиной туркменской ночи", а причина духоты крест, расчертивший полумрак. Очень вязкое начало. Потом, чтиво проскакивает "за милую душу". Концовка - Ужас! Я такие концовки называю суицидально-депрессивный отстой - материал для психоанализа. Это не диагноз, а мое личное отношение к концовкам типа: застрелицца, напицца, повесицца и т.п., т.е. способ уйти в никуда от безысходности, слабости духа – безнадёга»*.

Тема концовки произведения волнует меня уже давно. *«Существует мнение, что смерть героя в конце рассказа, даёт новую жизнь самому произведению в умах и сердцах читателей. Замысловато, но созвучно теории, что ничто бесследно не исчезает (жизнь после смерти, реинкарнация). Лично моё мнение, что это всего лишь самый простой и "цепляющий" способ закончить рассказ. В "Тринадцати долларах" получился некий средний вариант. Если я правильно понял, то умерло что-то внутри героя, какой-то его комплекс, что-ли, барьер»*, - написал я в комментарии к другому рассказу.

Однозначность в трактовках, прямолинейность высказываний и показное неприятие каких-то моментов преследует меня. Просто «клиника» какая-то. Вероятно, это и даёт соратникам по «цеху» повод кликать меня «критиком». Раздражает – повод задуматься.

Не называть, а описывать...

Год второй. Сессия третья. Зоя К. уверяла, что если первый год выдержишь, дальше легче будет. В конце первого года, перед экзаменами, буквально за каждым бегала, за руку хватала и прямо в глаза этой фразой целилась, поглубже запустить пыталась. Если попадала, то неизменно куда-то в сердце её слова проникали, заражали. Удивительная женщина. Заражённые носились с её словами, как с заклинанием, и остальных приободряли. На деле же нет, легче не стало. Голову разрывает масса советов и рекомендаций, особенно теория. Ну, вот скажите, как я могу описывать не называя!!! Началась путаница. Боюсь писать. Говорят, пройдёт.

Очередная учебная встреча началась с того, что ропщем и считаем потери, сколько отсеклось. Оскудел и наш семинар – за счёт выпускников. После очередной лекции у впечатлительных и мнительных припадки: Лит убивает творческое начало! Возразить сложно, в голове действительно – лесоповал. Но дрожащим голосом, разум шепчет: что дано – убить невозможно.

После первого семинара обсуждали придуманное Кириллом сообщество. Все довольны. Кирилл почивает на лаврах. Интерес к ЛИТИСу растёт, расширяется география участников. Что-то подобное пытаются делать другие семинары – безуспешно. Зато их руководители семинаров продвигают, стараются публиковать. К ним на семинары приходят редакторы журналов, писатели, к нам всё больше – священники (но писатели).

Писатели, не бойтесь социальности!

На самом-то деле об этом можно было бы и не восклицать. Все мы тут, на семинаре, подобраны – социальщики. Если на других семинарах то и дело поругивают за фантазмы и уход от реальности, то у нас... ребята серьезные.

Говорят, нет лучшего способа «оттачивать» перо, чем писать тематически узконаправленно. Возможно... Если теория углубляет понимание текста, помогает овладеть словом, то такой подход, практически, учит чувствовать свой текст, видеть его со стороны.

Так называть или описывать? Писать художественно или на злобу дня, «на века» или для целевой аудитории? Далеко не у всех хватает мудрости разобраться, идут забирать документы.

А тем временем, меня всё настойчивей начинают «обзывать» критиком-публицистом. Обижаюсь.

На ЛИТИСе оживлённо. Фотографии с семинаров, информация о мероприятиях и впечатления после них, статьи, обмен программами по работе с текстом.

Оно время работал в слесарных мастерских, поэтому меня не удивишь обилием инструментов для обработки металла, но слово... Мне казалось, их просто пишешь друг за дружкой, из головы.

Начинаю свыкаться с такими понятиями как материальность текста, вещественность, фактура.

Литературный вечер

На страницах сообщества в Интернете решали организационный вопрос: проведение выездного тематического семинара в стенах Библиотеки Искусств им. А.П. Боголюбова, с читкой произведений начинающих авторов (нас). Заканчиваю «День знаний» - зарисовка из

жизни гастарбайтеров в Норвегии. Выставляю заявку на обсуждение этого опуса. Пытаюсь не замечать, что о реальном участии приходится только мечтать, так как до "творческого вечера" мне, как до Берлина по-пластунски, расстояние, в смысле, такое же.

Засел в Норвежском захолустье. Сам я называю это экономической ссылкой. Другой возможности учиться у меня нет - жизнь стоит денег. После развала Союза Нерушимого для всех я стал иностранец (и для мест, где родился, и для страны, из которой выперли), и только здесь - гастарбайтер. Привилегий у наёмных рабочих не больше, чем у иностранца. На тебя также смотрят, как на чужака, но хотя бы платят так, что и на хлеб хватает, и за учёбу заплатит, и на сессию съездить.

От меня давно уже ждали рассказа из жизни в загранице. Что же, пожалуйста, только не обессудьте...

Земля Обетованная

Что удивительно, так это надежда. Пожалуй, самая популярная параноя - надеяться. Что придёт мессия, где-то лучше, чем тут, и прочее. Когда говорю, что работаю в Норвегии, многие глаза закатывают и с придыханием всем видом по-булгаковски показывают: *«Так свезло..., так свезло, просто неопишимо свезло»*, - будто я в рай попал. Ох уж этот неистребимый поиск Земли Обетованной. Обетованная она, обетованная, но для тех, кто в ней обитает! Вот и написал о тамошней жизни и страстях по-чеховски – искренне, как любит повторять Михаил Л.: *«Прав тот, кто искренен»*.

Немало был удивлён, что здравый смысл есть, что понимают: *«И с той и с другой стороны, и в Эстонии и в России пудрят людям мозги, - никто не говорит правды, говорят только то, что выгодно говорить по телевизору»*. Но при этом ругали за «День знаний» - нещадно. Долго понять не мог. Чуть не плакал. Всё верно, сыро, плохо, канцелярщина, но что-то ещё не так...

Потом вспомнил, что бьют именно за правду, и по морде... Хочешь быть писателем - будь деликатным. Ты можешь убить героя, изнасиловать, надругаться над святыней целого поколения – простят. Но никогда не отбирай у читателя надежду. Очень щекотливый момент.

Продолжение следует...

Александр Н.Кестер